

Прагматичный ИДЕАЛИСТ

Морин Берк представляет Питера Блэра Генри

В ДЕТСКИЕ годы на Ямайке Питер Блэр Генри наблюдал в тихом недоумении, как женщина из их района время от времени подходила к воротам дома его бабушки и просила подать еды. Он задавался вопросом, почему у его семьи всегда было вдоволь еды, а эта женщина со спутанными волосами и раздувшимся животом жила впроголодь.

Генри столкнулся с еще более разительным контрастом между имущими и неимущими несколько лет спустя, когда он эмигрировал с родителями в США и оказался в Уилметте, комфортабельном пригороде Чикаго. Видя вокруг себя только финансовое благополучие, девятилетний Генри был глубоко взволнован тем, что в Соединенных Штатах люди настолько богаче, чем в его родной стране. Этот коренной вопрос развития, почему уровни жизни различаются между странами и как это можно изменить, с тех пор «не дает ему покоя», по словам Генри.

Теперь Генри является деканом Школы бизнеса им. Леонарда Н. Стерна при Нью-Йоркском университете в самом центре Нью-Йорка — он прошел большой путь, начав его в юные годы в ямайской сельской местности.

Прекрасным осенним утром, войдя бодрым шагом в Центр менеджмента им. Генри Кауфмана Нью-Йоркского университета, расположенный через дорогу от парка Вашингтон-сквер, он непринужденно общается с охранниками, студентами и преподавателями. Миновав вестибюль, он поднимается на свой этаж не на лифте, а по лестнице. Это 10 пролетов.

Институты или политика

Самый молодой декан в 113-летней истории школы Стерна, Генри, которому сейчас 44 года, посвятил большую часть своей карьеры изучению влияния экономических реформ на жизнь людей в развивающихся странах. Его исследования иногда ставят под сомнение общепринятые представления — относительно облегчения долгового бремени, международных потоков капитала или роли институтов в экономическом росте.

Наглядным примером может служить его исследование «Институты или политика: повесть о двух островах», подготовленное в 2009 году в соавторстве с Конрадом Миллером.

В этом исследовании прослеживается хроника значительного расхождения траекторий экономического развития Барбадоса и Ямайки. «У читателей может возникнуть соблазн воспринимать эту работу как странный рассказ о двух экзотических островах, более известных своими пляжами, музыкой и олимпийскими спринтерами, чем своим значением в мировой экономике, — пишут авторы. — Мы же, напротив, считаем, что эта карибская притча таит в себе важные общезначимые уроки».

«Повесть о двух островах» преследовала цель опровергнуть гипотезу о том, что институты играют решающую роль в развитии стран. Эта теория, выдвигавшаяся, в частности, экономистами Дароном Асемоглу, Джеймсом Робинсоном и Саймоном Джонсоном в работе 2000 года, утверждает, что процветание

обеспечивается стимулами, а стимулы создаются учреждениями. В 2012 году Асеомглу и Робинсон подробно развили этот тезис в разошедшейся большим тиражом и получившей широкое признание книге *«Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty»* («Почему государства терпят неудачу: истоки силы, процветания и бедности»).

Генри и Миллер, работавшие тогда в Стэнфордском университете, оспаривают эту точку зрения, доказывая, что меры политики, а не учреждения, география или культура являются определяющим фактором в том, почему некоторые страны богаты, а другие бедны. Сопоставляя Барбадос и Ямайку, две бывшие британские колонии, унаследовавшие почти идентичные политические, экономические и правовые институты, они утверждают, что резкое расхождение в уровнях жизни этих двух стран жизни можно объяснить чем-то иным, а именно, выбираемыми правительствами направлениями экономической политики.

В 40-летний период после обретения независимости в начале 1960-х годов эти бывшие колонии следовали значительно различающимся траекториям. Правительство Ямайки в 1970-е и 1980-е годы допускало большие бюджетные дефициты, ограничивало внешнюю торговлю и широко вмешивалось в экономику. Барбадос, напротив, добился финансовой дисциплины, свел долю государственной собственности до минимума и поддерживал развитие открытых рынков.

Результаты оказались поразительными. В 1960 году реальные доходы на душу населения составляли 3 395 долл. США в Барбадосе и 2 208 долл. США на Ямайке. Сегодня картина выглядит совсем иначе. Барбадос гораздо богаче, чем Ямайка: уровни дохода на душу населения составляют соответственно 15 198 и 5 358 долл. США.

«Генри и Миллер, конечно, правы, что следует обратить внимание на независимые воздействия макроэкономической политики», — писали Асеомглу и Робинсон недавно в своем блоге. «Но меры экономической политики не возникают из пустоты. Они выбираются правительствами и политиками, чьи стимулы определяются политическими институтами». Поэтому утверждение, что политика, а не институты отличает Ямайку от Барбадоса, не убедительно, — говорят они.

Хотя не все принимают доводы исследования Генри и Миллера, многие считают его очень интересным как эксперимент в почти естественных условиях с целью выяснить, какие экономические факторы определяют успех или неудачу.

Нет места миллионерам

Первые восемь лет жизни Генри провел на Ямайке, поэтому «Повесть о двух островах» имеет для него особое значение. «Помню, как в детстве я слушал речи Майкла Мэнли», — говорит Генри, вспоминая бывшего премьер-министра Ямайки как умного, думающего о людях лидера, который хотел сделать жизнь лучше для всех, особенно для неимущих.

«Но Мэнли делал это в ущерб развитию рынка — и, как теперь выясняется, в ущерб экономическому росту, — начав ряд экономических экспериментов, в результате которых страна увязла в долгах, и, по существу, восемь лет подряд экономика испытывала необычайно сильное сокращение», — объясняет Генри.

В своей речи в 1977 году Мэнли заявил, что «на Ямайке нет места миллионерам. Если хотите стать миллионером, к вашим услугам пять рейсов в день в Майами». Это было расценено как неприкрытая атака на бизнес, — говорит Генри.

Многие жители Ямайки последовали совету Мэнли, в том числе и родители Генри. Хотя у них не было намерения пытаться стать миллионерами (отец Генри был аптекарем, а мать банкиром), им было все труднее добиться преуспевания на Ямайке при Мэнли, поэтому они вместе с Питером и тремя младшими детьми переехали в городок неподалеку от Чикаго.

Вне привычных условий

В конце 1980-х годов, находясь на учебе в Университете Северной Каролины в Чэпел-Хилле (УСК), Генри увлекся экономикой, которая, казалось, давала ему идеальную возможность совместить свою любовь к математике, естественным наукам и решению задач с интересом к социальным вопросам.

Генри учился в колледже по стипендии Морхеда (сейчас она называется стипендией Морхеда-Кейна), полной четырехлетней стипендии, присуждаемой студентам УСК на основе заслуг. Следуя опыту стипендии Родса, программа выбирает студентов на основе их морально-волевых качеств, успеваемости, спортивно-физических достижений и лидерских способностей.

Стипендия включала летнюю программу расширения кругозора, дававшую участникам возможность получить опыт работы или учебы с полной оплатой расходов в любой точке мира. По настоянию матери Генри подал заявление и получил работу на летний период в колледже Св. Антония Оксфордского университета в качестве научного ассистента профессора, занимавшегося исследованием роли свободных экономических зон в экономике Советского Союза всего за несколько лет до его распада. Окончив университет в 1991 году со степенью бакалавра по экономике, он вновь оказался в Оксфорде в качестве стипендиата Родса для получения второй степени бакалавра, на этот раз по математике.

«Учеба по стипендии Родса была для меня прекрасной возможностью попробовать себя в чем-то новом», — говорит Генри.

После привычного лихорадочного графика типичного студента американского колледжа он обнаружил, что в Оксфорде совсем иной ритм жизни. Это была эра до сотовых телефонов, и у большинства студентов не было даже стационарного телефона. Студенты общались в основном по «голубиной почте», старинной системе, при которой носильщики колледжа вручную доставляли сообщения по всему университетскому городку. Темп в Оксфорде «действительно заставил меня сбавить обороты и читать литературу для получения степени, что дало мне возможность глубже обдумывать вопросы», — говорит Генри.

После этого Генри поступил в докторантуру по экономике в Массачусетском технологическом институте (МТИ), куда он был принят с отсрочкой, все еще находясь на учебе в Университете Северной Каролины. Еще одна летняя исследовательская работа подсказала Генри тему для его докторской диссертации, и, возможно, в конечном счете, привела его к карьере в бизнес-образовании.

Генри спросил Рудигера Дорнбуша (ныне покойного), одного из его профессоров в МТИ, мог ли он летом заняться исследовательским проектом по теме долгового кризиса, который охватил Латинскую Америку в 1980-е годы. Вместо этого Дорнбуш предложил Генри набраться практического опыта, поработав с К. Дуайтом Веннером, управляющим Восточно-Карибского центрального банка. Веннер стремился развивать рынки долгосрочного капитала в восточной части Карибского бассейна и хотел избежать проблем, которые преследовали такие страны, как Чили и Аргентина. Получив предложение небольшого пособия и жилья, Генри отправился на Сент-Киттс на лето 1994 года. Работа, которую он написал для Веннера, в итоге стала частью интеллектуальной базы для первой фондовой биржи Восточно-Карибского валютного союза.

Этот опыт заставил Генри все больше размышлять об отношениях между рынками капитала и развитием. Следует ли странам с формирующимся рынком открывать свои рынки капитала иностранным инвесторам? Каковы последствия этого шага — снижает ли он стоимость капитала, как предсказывает экономическая теория? И связан ли он с экономическим ростом? Его докторская диссертация 1997 года была в основном

посвящена изучению этих вопросов с использованием данных крупных стран Латинской Америки и Азии с формирующимся рынком.

Стрекозы и муравьи

Сегодня Генри по-прежнему глубоко интересуется развитием стран с формирующимся рынком; это стало темой его первой книги «*Turnaround: Third World Lessons for First World Growth*» («Подъем: уроки третьего мира для роста первого мира»), которая вышла в марте. Книга исходит из тезиса о том, что многие бывшие страны «третьего мира» добились исторического экономического подъема, войдя в число стран с формирующимся рынком, которые теперь определяют рост мировой экономики.

«Мне представлялось важным, что они добились этого [подъема] благодаря трем десятилетиям экономических реформ, которых от них требовали страны первого мира; теперь последние переживают кризисы, но их правительства, по видимому, не желают следовать собственным рецептам», — сказал Генри в интервью Дэну Шобелу из *Forbes*.

В «*Turnaround*» используются данные о ценах на акции, ВВП и инфляции, чтобы продемонстрировать, что страны с формирующимся рынком смогли добиться значительных экономических успехов за счет применения трех ключевых принципов: дисциплины, неуклонной приверженности прагматической стратегии роста, характеризующейся бдительностью, гибкостью и приоритетностью блага страны в целом перед пользой для отдельных людей или групп с определенными интересами; ясности, иными словами, четко выраженной решимости руководства страны изменить направление развития; доверия, например, между гражданами и правительством или между двумя странами.

Чтобы проиллюстрировать, что он имеет в виду, говоря о дисциплине, Генри ссылается на басню «Стрекоза и муравей», в которой стрекоза проводит теплые месяцы года, распевая песни, в то время как муравей делает запасы на зиму. С наступлением холодов стрекоза оказывается на грани голодной смерти и просит муравья накормить ее.

США, по словам Генри, является страной с развитой экономикой, напоминающей такую стрекозу. В благополучные времена, когда страна имела бюджетный профицит, президент Джордж Буш решил в 2001 году не сохранять его, а раздать в виде снижения налогов. Когда позже в том же десятилетии разразился финансовый кризис, страна не имела буфера, чтобы смягчить этот удар.

Чили, с другой стороны, можно рассматривать как страну с формирующимся рынком, следующую примеру муравья. В период после того как Андрес Веласко стал министром финансов Чили в 2006 году, казна страны наполнилась деньгами от роста цен на медь. Однако даже несмотря на народные протесты, Веласко не уступил призывам к расходованию неплановых доходов. Его стратегия сбережения на черный день оправдала себя: когда страну поразил финансовый кризис, правительство Чили располагало финансовыми средствами, чтобы снизить налоги для граждан на общую сумму 4 млрд долларов США в 2009 году для смягчения воздействия кризиса.

«Если бы только мы обладали достаточным смирением, чтобы принять к сведению те уроки, которые дает нам опыт многих стран третьего мира, всех нас ждало бы более благополучное будущее», — говорит Генри.

Страны с формирующимся рынком действительно добились впечатляющего прогресса за последние два десятилетия. В настоящее время на их долю приходится более половины мирового ВВП (по паритету покупательной способности), по сравнению с менее чем одной третью в 1990 году. Кроме того, в течение последнего десятилетия эти страны добились настолько высоких результатов, что впервые страны с формирующимся

Долг — это хорошо или плохо?

В студенческие годы Питер Генри был убежден, что облегчение бремени долга для бедных стран является хорошей идеей. Однако, изучив имеющиеся данные, он изменил свое мнение.

В своих исследованиях он стремился выяснить, стимулирует ли облегчение бремени долга экономический рост в странах с высоким уровнем задолженности. Он был знаком с идеей о том, что чрезмерный внешний долг сдерживает рост инвестиций в стране; высокие уровни долга подразумевают высокие будущие налоговые ставки, поскольку требуется больше налоговых поступлений для обслуживания долга. Согласно этой теории «чрезмерной задолженности», списание долга приводит к увеличению инвестиций и ускорению роста с положительным эффектом для страны.

Генри проанализировал соответствующие данные и пришел к выводу, что для развивающихся стран со средними доходами, особенно для таких стран в Латинской Америке, которым было предоставлено частичное списание банковских долгов в 1980-е годы, облегчение бремени долга действительно приносит пользу.

Однако страны с низкими доходами, получившие облегчение бремени долга позднее в рамках Инициативы МВФ и Всемирного банка для бедных стран с высоким уровнем задолженности, не имели существенных рынков частного капитала. Как следствие, он обнаружил, что частичное списание долга этих стран не стимулировало рост. В отличие от стран Латинской Америки со средними доходами, основной экономической проблемой для бедных стран является не чрезмерная задолженность, а отсутствие базовой экономической инфраструктуры, создающей основу для прибыльных инвестиций и роста.

Таким образом, такие инициативы существенно не улучшат положение бедных стран. Они могут даже повредить им. «Если считать, что частью решения является увеличение объема ресурсов, можно видеть, что облегчение бремени долга не приводит к поступлению дополнительных ресурсов (в чистом выражении) в бедные страны», — отметил Генри, добавив, что многосторонние организации просто уменьшают на эквивалентную величину общий объем помощи, который может быть предоставлен этим странам. Таким образом, облегчение бремени долга фактически приводит к увеличению двусторонней помощи, которая, по словам Генри, в целом менее эффективна, чем многосторонняя, поскольку во многих случаях она обусловлена политическими соображениями.

Генри много критикуют за его позицию по этому вопросу. Но он говорит: «Если мы хотим не просто потешить свое самолюбие, а реально помочь странам принимать экономически обоснованные меры», нужно посмотреть на факты.

рынком и развивающиеся страны имели большую общую продолжительность подъема и меньшую продолжительность спада, чем страны с развитой экономикой, согласно октябрьскому выпуску «*Перспектив развития мировой экономики*» МВФ 2012 года.

Но есть признаки того, что стремительный рост в странах с формирующимся рынком подходит к концу. Их средние темпы роста теперь на 1½ процентного пункта ниже, чем в 2010 и 2011 годах, отмечает МВФ. С другой стороны, рост в странах с развитой экономикой набирает обороты.

Кроме того, некоторые страны с формирующимся рынком в последние месяцы испытали потрясения на рынках. Бразилия, Индия, Индонезия, Южная Африка и Турция — «уязвимая пятерка», по оценке Morgan Stanley, — считались подтвержденными

риску валютного кризиса после того, как курсы их валют снизились на величину от 13 до 23 процентов в период с мая по август 2013 года. Хотя некоторые из этих потрясений можно объяснить циклическими факторами, многие экономисты считают большой дефицит счета текущих операций, высокие темпы инфляции и высокий леверидж корпораций и домашних хозяйств в этих странах тревожным явлением и, возможно, также результатом плохой политики.

Не опровергают ли последние события выдвинутый Генри тезис? Нет, говорит он: «Важно отделять цикл от тенденции».

«В финансовой прессе в последние недели высказывается мнение о том, что в странах БРИКС [Бразилии, России, Индии, Китае, Южной Африке] темпы роста снижаются, а страны с развитой экономикой вновь на подъеме. Это предполагает игру с нулевой суммой, своего рода гегемонистический мир, а это, по-моему, неверное представление», — размышляет он. — Рост в странах с формирующимся рынком идет на пользу росту в странах с развитой экономикой».

«Усиление роли стран с формирующимся рынком за последние два десятилетия во многом объясняется их с трудом завоеванными реформами», — добавляет он, признавая, что многое еще предстоит сделать.

Усиление влияния

«Питер действительно много думает о развивающихся странах, и так было всегда, со времени нашего знакомства», — говорит Серкан Арсланалп, экономист МВФ, который учился у него в МТИ, а затем в Высшей школе бизнеса Стэнфордского университета. Интеллектуальный кругозор Генри сформировался под влиянием его образования и жизненного опыта, иногда довольно удивительным образом (см. вставку). «Я родился на Ямайке, но получил образование в престижных институтах стран первого мира и в настоящее время нахожусь на службе этих институтов, так что считаю, что обладаю уникальной возможностью оценки ситуации с двух разных точек зрения», — сказал он в интервью *Forbes*.

Вероятно, именно из-за этой уникальной точки зрения, в то время избранный, но еще не вступивший в должность президент США Барак Обама предложил ему в 2009 году в рамках перехода к новому правительству возглавить группу, которая изучала международные финансовые институты, такие как МВФ и Всемирный банк.

Генри был и остается активным сторонником усиления роли стран с формирующимся рынком в МВФ. Передача прав голоса от европейских стран с развитой экономикой странам с формирующимся рынком и развивающимся странам в знак признания меняющейся динамики мировой экономики является принципиальным шагом, — говорит он. «Очень важно, чтобы они получили признание за сделанные шаги». (Реформа квот в МВФ, санкционирующая это перераспределение, была утверждена Группой 20-ти в 2010 году, но на момент написания этой статьи не прошла необходимую ратификацию Соединенными Штатами, крупнейшим акционером МВФ.)

Когда он получил предложение от Обамы, Генри был профессором международной экономики по стипендии Коносуке Мацуситы и заместителем директора Центра глобального бизнеса и экономики в бизнес-школе Стэнфордского университета, куда он пришел 12 годами ранее новоиспеченным доктором философских наук.

Затем пришло предложение от Нью-Йоркского университета.

«Честно говоря, никогда не думал, что уйду из Стэнфорда», — говорит он, выражая признательность за работу в Стэнфорде с такими коллегами, как Энн Кригер и Джон Тейлор, которые, по его словам, стимулировали его к работе над его идеями. Но соблазн новой возможности был слишком велик.

И он переехал в другой конец страны с четырьмя маленькими сыновьями и женой Лизой, детским психиатром, получившей образование в Йельском университете.

«Школа Стерна Нью-Йоркского университета — выдающаяся бизнес-школа с еще более незаурядными устремлениями, с преподавателями мирового класса, которые внесли огромный вклад в работу во время финансового кризиса», — говорит Генри.

И это чувство взаимно. «Со временем можно научиться читать язык жестов комитета по подбору кандидатуры декана. Едва ли я когда-либо видел большую определенность или большой энтузиазм в отношении кандидата на должность декана», — сказал о Генри президент Нью-Йоркского университета Джон Секстон в 2009 году. «И когда я встретился с ним, сразу стало ясно, почему: он превосходный и высокопродуктивный ученый-экономист, прирожденный лидер, способный сплотить коллектив, и просто несомненно хороший человек».

Можно преуспевать и делать добрые дела

Генри работает в Нью-Йоркском университете с января 2010 года и говорит, что его особенно воодушевляет недавняя международная экспансия университета, который открыл свои филиалы в Абу-Даби в 2010 году и Шанхае в начале этого года. Хотя бизнес-школа не имеет собственного кампуса в этих городах, она начинает расширять круг предлагаемых услуг за рубежом. В Шанхае школа Стерна только что открыла новаторскую программу обучения на степень магистра в области бизнес-аналитики и готовит другие инициативы.

Этот новый международный аспект помог Генри привлечь первоклассных профессоров, таких как бывшие коллеги по Стэнфорду Майкл Спенс (лауреат Нобелевской премии 2001 года) и Пол Ромер. Юсин Чен вернулся в Стерн в этом году после нескольких лет в Северо-Западном университете.

«Существует целый ряд проблем, которые носят, по существу, глобальный характер, но требуют применения дополнительных инструментов бизнеса в рамках более широкого подхода», — говорит Генри. — Каким образом финансы помогают нам понять, как эффективно распределять капитал во всем мире? Какова роль маркетинга в поиске способов охвата малоимущих потребителей с помощью цифровых средств информации? Рассматриваем ли мы как потребителей предметов роскоши не только людей с высокими доходами в США и Европе, но и новых предпринимателей-женщин в Нигерии и Индонезии?»

В одном из интервью с Генри в начале этого года корреспондент *New York Times* высказал мнение, что если он хочет помогать людям в развивающихся странах, ему, возможно, было бы лучше работать руководителем некоммерческой организации, а не деканом бизнес-школы. «На самом деле, повышающие стоимость для акционеров, могут быть очень полезны для общества в целом», — ответил Генри. — Мы должны по-иному представить себе роль бизнеса в обществе».

С этим готовы согласиться и другие, в том числе президент Всемирного банка Джим Ен Ким, который недавно отметил, что мировая официальная помощь на цели развития составляет лишь около 125 миллиардов долларов в год, что эквивалентно потребностям для развития инфраструктуры в одной Африке. «Если вы ставите перед собой высокие цели по облегчению участи бедных — сказал Ким, — необходимо по-настоящему задуматься о роли частного сектора».

Генри давно в этом убежден. «Один из самых важных уроков, которые я извлек из периода правления Мэнли на Ямайке, состоит в том, что притесняя бизнес, бедным не поможешь». ■

Морин Берк — сотрудник редакции журнала «Финансы и развитие».